

какъ вообще на всѣхъ, такъ и отдѣльно на каждаго.

VI. Ее будутъ у насъ читать: дворяне, мѣщане, купцы, грамотѣи и не грамотѣи, рядовые солдаты, лакеи, дѣти обоего пола.

VII. Греческій политеизмъ, сирѣчь многобожіе, не введетъ въ искушеніе нашихъ мужичковъ: они почешутъ у себя въ затылкѣ и сейчасъ смекутъ, въ чемъ дѣло и въ чемъ вздоръ.

VIII. «Одиссея» произведетъ благотѣльное вліяніе на нашу литературу: писатели и критики наши перестанутъ нести дичь. Но главное —

IX. «Одиссея» исправитъ всю нашу цивилизацію, испорченную вліяніемъ Европы, и возвратитъ насъ къ незапамятнымъ былымъ временамъ, помолодитъ насъ десятками тремя вѣковъ... Вѣдь это-то и значитъ идти впередъ...

„Словомъ (говорить авторъ), на страждущихъ и болгющихъ отъ своего европейскаго совершенства — „Одиссея“ подѣйствуетъ. Много напомнитъ она имъ младенчески-прекраснаго, которое (увы!) утрачено, но которое должно возвратитъ себѣ человечество, какъ свое законное наслѣдство. Многіе надъ многими призадумаются. А между тѣмъ многое изъ временъ патріархальныхъ, съ которыми есть такое сродство въ русской природѣ, разнесется невидимо по лицу Русской земли. *Благоухающими* устами поэзіи навѣвается на души то, чего не внесешь въ нихъ никакими законами и никакой властью.“

Въ одномъ письмѣ къ Жуковскому авторъ говоритъ:

„Твоя „Одиссея“ принесетъ много общаго добра: это тебѣ предрекаю. Она возвратитъ къ связности современнаго человѣка, усталаго отъ безпорядка жизни мыслей; она обновитъ въ глазахъ его много того, что брошено имъ, какъ ветхое и ненужное для быта; она возвратитъ его къ простотѣ.“

Подобный великій благотѣльный переворотъ, произведенный литературнымъ трудомъ, тѣмъ необходимѣе, что, по словамъ автора, «все теперь расплылось и расшнуровалось; дрянъ и тряпка сталъ всякъ человѣкъ; обратилъ самъ себя въ подлое подножіе всего (?) и въ раба самыхъ пустѣйшихъ и мелкихъ обстоятельствъ, и нѣтъ теперь нигдѣ свободы въ ея истинномъ смыслѣ.»

Все это прекрасно. Но вотъ два смиренныхъ вопроса съ нашей стороны. Какъ будетъ простой народъ читать «Одиссею»? Положимъ, «Одиссея» не принадлежитъ къ числу книжонокъ, издаваемыхъ для народа европейскими человѣколюбцами; но какъ будетъ читать ее нашъ народъ, которому авторъ такъ положительно и строго запрещаетъ знать грамотъ?.. Или учиться грамотѣ, чтобъ умѣть читать, нужно только

«глупымъ» нѣмцамъ, а словенину стоитъ только почесать у себя въ затылкѣ, чтобъ прочесть всякую книгу, не умѣя читать?.. Потому, что, если, сверхъ чаянія, мистическія предреченія Гоголя о вліяніи «Одиссеи» на судьбу русскаго народа вовсе не сбываются, и переводъ этотъ, подобно переводу Гнѣдича «Иліады», будетъ существовать только слишкомъ для немногихъ?.. Вѣдь тогда кто жъ не скажетъ:

Надѣлала синица славы.
А море не заглгало..

Но самую любопытнѣйшую часть этой книги составляютъ четыре письма къ разнымъ лицамъ по поводу «Мертвыхъ Душъ». Эти четыре письма обрадовали, привели въ восторгъ, сдѣлали истинно счастливыми нѣкоторыхъ литераторовъ, особенно занятыхъ литературной славой Гоголя. Это не тайна, ибо они поспѣшили печатно выразить свое торжество, забывъ мудрую русскую пословицу: поспѣшишь — людей насмѣшишь, и не менѣе мудрую французскую пословицу: *bien rire qui rira le dernier...* Изъ слѣдующихъ выписокъ легко будетъ всякому увидѣть, что именно въ этихъ фразахъ такъ восхитило враговъ таланта Гоголя.

Вы напрасно негодуете на неумѣренный тонъ нѣкоторыхъ нападеній на „Мертвыя Души“. Это имѣетъ свою хорошую сторону. Иногда нужно имѣть противъ себя озлобленныхъ. Кто увлеченъ красотами, тотъ не видитъ недостатковъ и прощаетъ все; но кто озлобленъ, тотъ постарается выкопать въ насъ всю дрянъ и выставитъ ее такъ ярко наружу, что поневолѣ ее увидишь. Истину такъ рѣдко приходится слышать, что уже за одну крупину ея можно простить всякій оскорбительный голосъ, съ какимъ бы она ни произносилась. Въ критикахъ Булгарина, Сенковского и Полевого есть много справедливаго, начиная даже съ даннаго мнѣ совѣта поучиться прежде русской грамотѣ, а потомъ уже писать. Въ самомъ дѣлѣ, если бы я не торопился печатаніемъ рукописи и подержалъ ее у себя съ годъ, я бы увидѣлъ потомъ и самъ, что въ такомъ неопытномъ видѣ ей никакъ нельзя было являться въ свѣтъ. Самыя эпиграммы и насмѣшки надо мной были мнѣ нужны, несмотря на то, что съ перваго разу приписли очень не по-сердцу. О! какъ намъ нужны безпрестанные челчки, и этотъ оскорбительный тонъ, и эти ѣдки, провинаящія насъ насмѣшками! На днѣ души нашей столько таятся всякаго мелкаго, ничтожнаго самолюбія, щекотливаго, сквернаго честолюбія, что насъ ежеминутно слѣдуетъ колоты, поражать, бить всеми возможными орудіями, и мы должны благодарить ежеминутно насъ поражающую руку.

„Я бы желалъ однако жъ побольше критикъ, не со стороны литераторовъ, но со стороны людей, занятыхъ дѣломъ самой жизни. Со стороны практическихъ людей, какъ на бѣду, кромѣ литераторовъ, не отзывался никто. А между тѣмъ „Мертвыя Души“ произвели много шума, много ропота; задѣли за живое многихъ и насмѣшкой, и правдой, и карикатурой; коснулись порядка вещей, который у всѣхъ еже-